

«СТАЛИНГРАД для страны был однажды в войну, а для солдата на переднем крае он случался куда часто. И все же надо было напрячься, чтобы выжить и — главное — победить, ибо гибель иногда была как предательство живых. Солдат изо всех сил должен был биться за себя и товарищей, тем самым он сражался за Родину, ибо сам был частью Родины и народа, во имя жизни и свободы которых и велась та война...»

Мне часто вспоминались эти слова Василия Быкова из его автобиографии в те три вечера, когда смотрел по Центральному телевидению новую работу студии «Беларусьфильм» — картину «Долгие версты войны». Не только потому, что сценаристом был этот давно мною любимый писатель и встретил я на экране хороших знакомых — героев повестей «Журавлиный крик» и «Атака с ходу», а прежде и больше всего потому, что слова эти, на мой взгляд, очень точно выражают главную, основополагающую мысль, даже больше — направление творчества целой плеяды наших «военных» прозаиков.

Сознательное ограничение места действий, хронологических рамок событий, числа персонажей, «выбор» крайних ситуаций — кто силой, а кто и слабостью называл в свое время все это, анализируя творчество некоторых ныне прославленных мастеров слова. Делались даже попытки сравнить, а то и противопоставить их произведения панорамным романам, так называемым «многоплановым полотнам». К счастью, теперь уже все критики согласились с очевидной мыслью, что Великая Отечественная вершилась как в генеральных сражениях, глобальных сражениях, так и в каждом отдельном окопчике, каждым конкретным солдатом и офицером.

Совсем не мешая друг другу, расположились в одном «военном» ряду книги Шолохова и Бондарева, Симонова и Быкова, Голыча и Бакланова, Казакевича и Богомолова... И ко всем им самое пристальное внимание проявляет кинематограф. Процесс этот не только закономерен, но, по-моему, просто необходим, потому что те глубины человеческого подвига, те высоты народного мужества, которые в них ярко, незабываемо запечатлены, обязательно должны быть освоены и мастерами кино, допесены до многомиллионной зрительской аудитории.

Трилогия «Долгие версты войны» (постановка А. Карпова, главный оператор А. Булинский, художник В. Белоусов), не сомневаюсь, тронула

КРУПНЫМ ПЛАНОМ

Герои военных повестей В. Быкова на телеэкране

многие сердца, взволновала их непридуманной правдой войны. У составляющих ее фильмов — «Журавлиный крик», «Атака с ходу», «На восходе солнца» — есть прямые временные указатели: «Август 1941 год», «Март 1943 год», «Май 1945 год», и все они тесно объединены утверждением высокой нравственности советского человека, его величайшей преданности идеалам коммунизма. В разное время защищают «свои Сталинград» юный Климчук и пожилой Чумак, молчаливая Зина и словоохотливый Свист, но ни на мгновение в них не появляется чувство обреченности или неверия. Они знают, что выполнят свой долг, победят — и все их мысли, даже на краю гибели, не о смерти, а о жизни и о живых. В невероятно трудных условиях борьбы, в трагических обстоятельствах они остаются настоящими людьми.

В фильме хорошо показаны «будни» войны — пыльные, ухабистые дороги, тесные окопчики, нудные дожди, солдатский труд — когда надо закапываться в землю-матушку, тащить на себе пушки, день и ночь идти вперед на исходе всех физических возможностей. Точно воспроизводится фронтовой быт — с его нехитрыми аксессуарами, с грубоватым благородством взаимоотношений и неистребимым оптимизмом молодости. В фильме нет «приглаживания» трудностей, горестей — и от этого еще дороже подвиг героев трилогии, совершаемый просто и сознательно. Строгая операторская работа подчеркивает суровость и нелегкость долгих верст войны.

Запоминается актерское мастерство В. Яковлева (Ананиев), С. Крючковой (Зина), А. Вдовина (Свист), Ю. Дуванова (Климчук). Особо хочется отметить В. Яковлева. Внешне неброский, угловатый, «непривычный», он очень точно показывает образ фронтового «трудяги», офицера переднего края. Все в нем есть: и железная хватка бывалого

воина, и безоглядность риска молодого еще человека, и твердость духа верного товарища, и открытость, неуклюжая нежность русского парня. Притом сложность характера раскрывается постепенно, в каждом фильме вычерчивая проявленные новым временем и новыми испытаниями ранее незаметные черточки.

В трилогии чувствуется уверенная, профессиональная рука режиссера, точное знание им предмета изображения, полное доверие и уважение к литературному первоисточнику.

И все же телефильмы явно уступают по художественной силе одноименным повестям. Каждая правдивая история войны, показ человеческого подвига, взлета (или падения) духа у Быкова — всегда постановка проблемы социальной и моральной, заостренная, обращенной к сердцу современного человека. Не просто еще один рассказ о войне, а еще один нравственный урок войны дает писатель каждым своим произведением. Нравственный вклад в великую победу исследуется и в «Журавлином крике», и в «Атаке с ходу».

В телефильме же это не всегда угадывается. «Освободившись» от лирических отступлений, внутренних монологов героев, авторских размышлений, события на экране вдруг стали приземленными, поступки излишне упрощенными. Временами незаметно стала уходить даже психологическая напряженность, без чего быковская проза просто немилым.

Война способствовала ускоренному развитию и проявлению духовных качеств людей, она «высвечивала» в них самое прочное и решающее, испытывала их на горячем огне истины, в сжатые сроки. И «голубой экран» должен это показать крупно, ярко и достоверно. Во всяком случае, его специфические средства выразительности, по моему, предоставляют ему такую возможность.

Предвижу упрек в том, что сравнивать литературный

и кинематографический «варианты» художественной прозы неправомерно и даже непрофессионально, но меня волнует не их, так сказать, «ведомственная» принадлежность, а соотносимость их с жизненной правдой, с теми тяжкими испытаниями, через горнило которых прошли наши бойцы, чтобы в конечном итоге выковать Победу. Не для того, чтобы Быковскими повестями «побить» быковский фильм, затеял я разговор. Побудило меня к нему ощущение неполного использования изобразительных средств телевизионного кино при встрече с серьезной и глубокой прозой (и это относится не только к случаю с Быковым). Крупный план должен обязательно выявлять духовную содержательность, способствовать углублению во внутренний мир личности. Тогда он будет не просто техническим приемом, а действенным оружием настоящего искусства.

Но достойно выполнить эту задачу без добротной литературной основы, без творческого использования богатейшего опыта нашей «военной» прозы, без поиска новых путей выразительности будет невозможно. Потому более чем неожиданной для меня стала справка, данная специалистами по телефильмам. Оказалось, что пока еще очень редки телевизионные экранизации лучших произведений литераторов, пишущих о войне. Конечно, довольно часто в телепрограммы включаются и «Горячий снег», и «Последние залпы», и «Пядь земли», и «Третья ракета», но сделаны они для показа в кинозалах, с учетом законов и особенностей «обычного» экрана. Телевизионный кинематограф обедняет себя, так долго не замечая высокохудожественных романов и повестей, своеобразным своим словно специально «рассчитанных» на него.

Закономерно напрашивается вопрос: в чем же дело? В похвальном принципе, в стремлении создавать фильмы по совершенно оригинальным сценариям? В нерасторопности, которая так не вяжется с задачами телевидения? Или в «боязни» соревнования с настоящим, правдивым и талантливым художественным словом? Однозначно ответить не берусь. Но убежден, что, освоив высоты близкой ему по характеру современной литературы, телевизионный кинематограф сможет полнее утвердить только одному ему присущие огромные выразительные возможности.

Г. БУРАВКИН.

г. Минск.